

Наш выходной

С О ВРЕМЕНЕМ бумага стареет. Но слова, написанные на ней, — никогда. Я держу в руках очерк «У переправы», вырезанный из «Комсомольской правды». Дата — 8 августа 1941 года. И подпись под газетным материалом — Аркадий Гайдар. Действующая армия...

А перело мной сидит Иван Николаевич Прудников, тот самый комбат, о котором известный писатель написал, что это «самый лучший и смелый комбат самого лучшего полка всей дивизии». Сегодня он наш гость — гайдаровский герой, ныне проживающий в Запорожье.

— ...В Красную Армию я

ощуливать, и вдруг — чудо — обнаруживаю у пояса парабеллум. Вытащил его и кобуры, пытаюсь прицелиться а фигуры на мушке словно пляшут. И тут слышу голос Гайдара: «Ты что, Иван? Не надо стрелять, тут и без тебя стрельбы хватает...» Вот так я чуть не лишил «Комсомолку» ее специального военного корреспондента. А оказалось, что меня, потерявшего сознание, из боя вытащили мой ординарец Петя Кудряшов и Аркадий Петрович...

— Иван Николаевич, очерк «У переправы» был первым фронтовым материалом Гайдара. Как он родился?

— Аркадий Петрович правду говорил, что не умеет писать по сводкам и донесениям. Все, о чем написано в очерке, он сам пережил и перечувствовал. Такое не напишешь по чужим рассказам. Это свидетельство очевидца, непосредственного участника событий. Не случайно же он очерк начал словами: «Наш батальон вступал в село...» Наш второй батальон действительно стал для него своим, родным.

Бои были тогда тяжелее, и батальон только что назывался батальоном. На деле в нем было 90 боеспособных бойцов. Гайдар был девяносто первым...

В очерке он описывает, как мы с ним зашли в одну из хат только что освобожденного села. На полу была разбросана одежда, подушки, перина. На столе — обедки, разлитое молоко. А на одной из стен жирно намалевана фашистская свастика. Гайдар, помню, яростно плюнул на этот паучий крест, углем перецкинул его и нарисовал свою красноармейскую звезду. Этот эпизод есть и в очерке, правда, там звезду рисует неизвестный боец. Но ведь и Гайдар был простым бойцом батальона.

Вскоре мы распросились с Аркадием Петровичем, и он сказал, что обязательно еще раз придет к нам. Его очерк в «Комсомольской правде» я видел мельком, как следует прочитать сразу не удалось, бои не затихали даже ночью — враг рвался к Киеву. А 15 августа меня тяжело ранило, и я оказался в госпитале. Там несколько суток провалялся без сознания. А когда чуть-чуть пришел в себя, то первое, что увидел, была газета с очерком «У переправы» на стуле рядом с кроватью. Мне сказали, что заходил замполит госпиталя и принес газету: гордитесь, мол, что с таким героем рядом лежите. И я не знаю, что на меня подействовало лучше — лекарства или же гайдаровские слова. Но так или иначе, дело пошло на поправку. Считаю, что своим очерком Гайдар второй раз подарил мне жизнь.

— А как сложилась ваша дальнейшая судьба?

— В строй мне вернуться уже не пришлось, врачи для меня закрыли фронт. И направили меня в Кустанайскую область парторгом одного совхоза. После этого перевели в Краснодарский край. А потом, уже после освобождения Киева, я оказался в столице Украины. Работал на заводе медприборов и протезном, был секретарем партийной организации. Последние восемь лет живу с сыном в Запорожье.

Не могу, знаете, жить без дела. Очень часто вожусь с молодыми ребятами, рассказываю им о том, что пережил, о встречах с замечательным писателем. Полувековой партийный стаж обязывает к работе.

И ВАНУ Николаевичу не дать его семидесяти. Он бодр, деятелен. Правда, в непогоду побаливают фронтовые раны, да еще левая рука не совсем слушается. Но ведь он сам говорил, что дело не только в физической силе. Нужны духовные ресурсы, нужна вера в дело, которому отдана жизнь, и тогда она будет наполнена радостью и смыслом.

Есть два дня в долгой истории Великой Отечественной войны, о которых говорят особо. Черный день начала войны и красный — День Победы. И множество жизней отдано за то, чтобы сократить между ними расстояние. Писатель Гайдар с автоматом на груди и карандашом в полевой сумке погиб как солдат, в бою. Но герои его живут, и жить им долго.

Беседу вел Ю. СУШКО.
Запорожье.

Фото В. ЧИРКО.

Знакомства и встречи

Комбат Иван Прудников:

«ГАЙДАР ПОДАРИЛ МНЕ ДВЕ ЖИЗНИ...»

попал по комсомольскому призыву в двадцать восьмом году. Шел мне тогда восемнадцатый, — рассказывает Иван Николаевич. — Меня переполняли самые дерзновенные мечты и планы. Конечно, далеко не все сбывается, о чем мечтают неутомная юность. И все же мне кажется, что годы, проведенные во Владикавказском общевойсковом пехотном училище, прошли небесполезно. Выпуск молодых командиров состоялся накануне 1 Мая 1931 года. В том же году я стал коммунистом.

...Тридцать первый год. Это особая дата, и не только в судьбе Прудникова. Десять лет минуло с тех пор, как отгремела гражданская война. Ровно столько же оставалось до начала Великой Отечественной. Но об этом еще никто не знал...

— Иван Николаевич, дни войны всегда живут в памяти бывших солдат. Но в длинной череде суровых дней особняком стоят два — начало войны и День Победы. Расскажи-те, где вы встретили утро 22 июня 1941 года?

— 17 июня мой батальон получил приказ совершить марш в район села Бережки, на Западном Буге. Приказы не обсуждают, сути его мы не знали. Но положение было тревожное... Двадцатого уже были на месте... Жарница стояла страшная, все повыгорело. Наши позиции находились в 200—300 метрах от реки, но это не спасало — зной выматывал все силы... Хорошо помню ночь на 22-е. Спали в дубовой роще, было тихо. На рассвете гул самолетов, низко летевших над землей, разбудил нас. Потом грянули выстрелы с чужой стороны. Провокация? Но когда через Буг начали переправляться немецкие войска, стало ясно: война...

Первую атаку мы отбили, отбросив противника за реку. Потом было еще семь попыток выбить нас из окопов. Мы выстояли... К ночи немцы отступили окончательно. А недалеко от нас сражались пограничники заставы Гусева. По моей команде весь батальон был снят, и мы ринулись к оборонявшимся пограничникам. Их оставалось не более тридцати. Мы ударили в тыл врагу, и фашисты в панике бежали. А мы потом еще двое суток удерживали наступление немецких войск, хотя батальон наш был тогда укомплектован по нормам мирного времени. Вечером 24 июня я получил приказ от командира полка майора Гавилевского — отступить.

Каждый метр земли мы отдавали с боями, заставляя врага дорого платить за свое продвижение вперед. Гитлеровцы полагали, что мы должны сопротивляться их наступлению на берегу Буга не более тридцати минут. Мы держали трое суток. Они не знали, что у нас было иное пре-

восходство, чем военная сила: вера в справедливость, в правду нашего строя, в человечность и доброту. Даже в самые тяжелые первые дни мы были уверены в победе.

— Известно, что ваш полк сражался против фашистов на киевском направлении. 306-й полк был известен всему фронту как непобедимый. Популярный советский поэт Александр Безыменский даже написал «Песню 306-го полка». А газета «Комсомольская правда» выпустила целую полосу, посвященную ему и, в частности, вашему второму батальону.

— Да, все так и было. Наверное поэтому к нам стремились попасть корреспонденты центральных газет, писатели, поэты. Так появился у нас однажды спецкор «Комсомолки» Аркадий Гайдар. Это было в конце июля, в дни обороны Киева.

Как-то вечером мне на командный пункт позвонил майор Гавилевский: «Зенит? Я — «Заря». Готовься к приему гостей...» А что за гости, он не сказал, хотел, видно, сюрприз преподнести.

Гайдар появился у меня на КП ближе к ночи, и сразу заполнил собою все помещение, хоть фигура у него была не особенно крупная. Но его энергия, душевное обаяние, праздничность, яркость его натуры делали его очень заметным. Он был в военной форме без знаков различия, с орденом «Знак Почета» на гимнастерке, «планшеткой» через плечо.

Говорить тогда нам особенно долго не пришлось: разведчики отправлялись за «языком» и Аркадий Петрович попросил, чтобы взяли и его. Отговаривали его хором: «Да что вы, зачем идти, риск, можно потом со слов записать...» Но он стоял на своем, упрямо повторяя: «По донесениям и сводкам писать не могу, не имею права...». Короче говоря, он пошел в разведку. Вернулись бойцы уже утром, на рассвете и с удачей — привели «языка», причем с документами, картами и другими ценными сведениями.

Гайдар пробыл у нас несколько дней, перезнакомился со всем батальоном, с каждым бойцом. Его полюбили. Он участвовал в боях наравне со всеми, ходил в атаки, метко стрелял. А однажды даже добыл в бою самый ценный по тем временам трофей — немецкий «шмайссер».

Во время одного из боев меня контузило миной, разорвавшейся рядом. Очнувшись я не скоро, в глазах темно, будто не день стоит, а уже вечер, а в уши словно вату кто заложил. И вот вижу рядом две темные фигуры в пятнистых немецких плащ-палатках. Фашисты, думаю, ну все, конец. Начал потихоньку се-